Ольга Игнатова

РАЗВОД.

Спасибо за новую жизнь, предатель

Ольга Игнатова

Развод. Спасибо за новую жизнь, предатель

https://litres.ru/74762509
SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцать лет брака закончились одной фразой: «Кому ты нужна в тридцать шесть лет с ребёнком?»

Муж ушёл к молодой любовнице, а я осталась с девятилетним сыном, скромной зарплатой и страхом перед завтрашним днём.

Но у меня ещё есть руки, которые умеют печь хлеб. Первые заказы, бессонные ночи, ошибки — так начинается мой путь к собственной пекарне. А рядом появляется мужчина, с которым снова хочется строить планы и верить в любовь.

И вот когда я наконец учусь жить для себя, бывший решает вернуться. Теперь ему нужна моя поддержка. Он уверен, что я всё ещё жду.

Только на этот раз выбор за мной.

Содержание

Глава 1. Ужин на троих 4
Глава 2. Кто виноват 13
Глава 3. Восемнадцать тысяч 21
Глава 4. Чужой ключ 29
Глава 5. Рисунок без двери 36
Глава 6. Цена одной булочки 43
Глава 7. Двадцать четыре штуки 50
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Ольга Игнатова
Развод. Спасибо за новую жизнь, предатель

Глава 1. Ужин на троих

— Катя, я ухожу. Я встретил другую женщину.

Я держала в руках дуршлаг. В нём ещё шипела вода, и тонкая струя текла мимо раковины на носок домашней туфли. Почему-то именно это мне захотелось исправить в первую очередь. Поставить дуршлаг ровно. Вытереть пол. Потом спросить, что он сказал.

Андрей снял часы и положил на стол. Дорогие, с синим циферблатом. Я выбирала их в подарок на его тридцать девять лет, между оплатой английского для Максима и покупкой новых шин.

— Ты меня слышишь?

— Макароны разварятся.

Он посмотрел на кастрюлю так, будто я нарочно завела разговор о еде.

— Катя. Я серьёзно.

Я выключила плиту, хотя конфорка под пустой кастрюлей уже не горела. В духовке стояла курица. Андрей любил с ли-

моном, сын просил без лимона. Я положила кружки только на одну половину противня и утром порадовалась, как удачно всё устроила.

— Сегодня? — спросила я.

— Что сегодня?

— Уходишь.

— Да. Я вещи соберу. Основное.

В прихожей стояли его ботинки, которые я вечером вытерла от сентябрьской грязи. На сушилке висела рубашка. В моей голове никак не могли соединиться эти вещи и то, что он говорил. Человек уходил из семьи, а рубашка ещё была влажной.

— Ты же днём звонил. Сказал, будешь к семи.

— Я и приехал к семи.

Он посмотрел на часы, лежавшие отдельно от руки. И я поняла, что разговор тоже внесён в его расписание. Семь — объясниться с женой. Восемь — приехать туда, где его ждут.

— Как её зовут?

— Кристина.

Имя я знала. Девушка из его отдела, та самая, что на летнем празднике фирмы носила белый брючный костюм. Андрей тогда попросил меня забрать Макса раньше: мальчик устал, взрослым хотелось посидеть. Кристина помахала нам со ступенек. Я ещё подумала: вежливая.

— Она знает, что ты женат?

— Катя, не надо.

— Я спросила.

— Конечно, знает.

За стеной заговорил телевизор. Максим включил приставку, и знакомый весёлый звук показался мне слишком громким. Я шагнула к двери кухни и прикрыла её.

— Давно?

Андрей провёл ладонью по волосам.

— Какая теперь разница?

— Мне есть разница.

— Мы отдалились. Давно. Ты сама этого не видела?

Видела ли я? Видела, что он поздно приезжает, а я встаю раньше. Что по субботам он спит до десяти, пока мы с Максом ходим за продуктами. Что вчера я положила ему на стол бумаги из школы, а он накрыл их ноутбуком. Я думала, мы устали. Двенадцать лет вместе, ребёнок, работа. Усталость казалась общей.

Я вспомнила, как три года назад меня приглашали в небольшую фирму вести учёт на полную ставку. Руководительница была знакомой по прежней работе, обещала нормальный график. Я неделю ходила с этой мыслью, считала дорогу, искала продлёнку для Макса.

Андрей тогда сказал, что ему предлагают повышение. Первое настоящее руководство отделом, хороший оклад, перспективы. Только придётся задерживаться. Кто-то же должен быть дома. Я согласилась: его прибавка была больше моей возможной зарплаты. Мы называли это общим реше-

нием.

— Помнишь работу, на которую я не вышла? — спросила я.

Он обернулся.

— Причём здесь это?

— Ты говоришь, я всё время только про дом. Мы ведь вместе так устроили.

— Я тебя не заставлял.

От этой фразы стало особенно тихо. Никто меня не заставлял. Просто существовал набор разумных доводов, в котором мои возможности неизменно оказывались менее срочными. Его повышение нельзя было отложить. Моё всегда могло подождать.

— Ты говорил, что сейчас не время, — сказала я.

— И что? Я должен отвечать за все твои решения?

Я посмотрела на стол. На краю лежала его пропускная карта: утром он не мог найти, я достала из кармана другой куртки. Рядом стояли новые витамины для Макса, которые я купила по списку врача. Невозможно было предъявить эти вещи как доказательство любви. Они ничего не весили в разговоре, где всё уже решили без меня.

— Я не просила отвечать, — сказала я. — Я хотела, чтобы ты помнил.

Андрей потянулся за картой, убрал в бумажник.

— Катя, я помню хорошее. Зачем сейчас искать виноватых?

Я заметила, что он называет поиском виноватых любую попытку назвать случившееся. И всё равно ещё хотела остановить его, найти такую фразу, после которой он увидит не кухню и не мою усталость, а меня. Ту, с которой когда-то стоял на перроне и не мог разжать пальцы перед короткой разлукой.

Я вспомнила тот перрон слишком ясно: лето, его смех, бумажный пакет с абрикосами. Невозможно было поверить, что оба этих мужчины — один человек. Но передо мной стоял именно он. Я не имела права заставить его снова стать тем, кого помнила, даже если память была точной.

— Ты мог со мной поговорить.

— Мы сейчас разговариваем.

Я села. На стуле лежало чистое кухонное полотенце; я машинально сложила его и прижала к коленям.

— Ты подумал про сына?

— Я от сына не отказываюсь. Только давай без этого. Люди разводятся.

— Какие люди? Мы?

— Да, мы. Ты хочешь, чтобы я врал тебе ещё год?

Он произнёс это с раздражением человека, которому не дают совершить хороший поступок. Мне вдруг очень захотелось, чтобы он соврал. Сказал, что запутался, что Кристина ничего не значит, что уйти можно ненадолго. Я уцепилась за эту постыдную надежду и услышала свой голос:

— Давай хотя бы до выходных. Мы всё спокойно обсудим.

Я, может быть, правда чего-то не замечала.

Андрей отвернулся к окну. По стеклу ползла капля. Я смотрела на его затылок — подстригся недавно, уже без моей записи к мастеру — и всё ещё искала, что исправить в себе.

— Тут нечего обсуждать, — сказал он. — Я хочу другой жизни.

— А эта чем тебе не подходит?

— Вот этим. Всё одно и то же. Уроки, покупки, счета. Ты даже сейчас про макароны.

Я положила полотенце на стол.

— Потому что мы собирались ужинать.

— Понимаешь, с тобой невозможно говорить. Сразу виноват.

Он встал, задел стулом ножку стола. Я вздрогнула, и это его ещё сильнее разозлило.

— Только не начинай изображать жертву. Квартира у тебя есть, с голоду не умрёшь.

— А если я не захочу пускать тебя обратно?

Я сама не знала, зачем это сказала. До этой секунды я только и хотела, чтобы он остался. Наверное, пыталась найти хоть что-то, что тоже могу решить.

Андрей усмехнулся — коротко, без радости.

— Ты вообще понимаешь, что без меня у тебя ничего нет? Ни карьеры, ни нормальных денег. Кому ты нужна в тридцать шесть лет с ребёнком?

Сначала я услышала слово «ребёнок». Он сказал его так,

будто сын был тяжёлой сумкой, которую мне теперь придётся носить самой. Потом — «тридцать шесть». Совсем недавно мы шутили, что в сорок поедем к морю вдвоём, а Макса отправим в лагерь. Я выбирала гостиницы просто так, чтобы было о чём мечтать.

За дверью что-то упало.

Я сразу поднялась.

Максим стоял в коридоре босиком, в шортах с акулами. У ноги валялся пульт. Он смотрел на отца, а потом перевёл взгляд на меня. Девять лет — уже не малыш, но нижняя губа у него дрожала совершенно по-детски.

— Вы про что?

Я не смогла ответить.

Андрей присел перед ним.

— Макс, мы с мамой решили немного пожить отдельно.

— Мы не решили, — сказала я.

Оба посмотрели на меня. Я заставила себя вдохнуть.

— Прости. Нам нужно поговорить спокойно.

— Я что, мешаю? — спросил сын.

— Нет, — сказала я слишком громко. — Нет, хороший мой. Иди пока в комнату. Я приду.

Он поднял пульт и пошёл, не оглядываясь. Дверь оставил открытой.

— Зачем при нём? — шёпотом спросил Андрей.

Я посмотрела на него и впервые за вечер не нашла в себе ни одной попытки угодить.

— Собирай вещи.

Он прошёл в спальню. Открыл шкаф, и я услышала привычный стук вешалок. Раньше этот звук значил командировку. Я покупала влажные салфетки в дорогу, клала в карман зарядку, напоминала написать, когда доедет. Теперь стояла возле стола и думала, можно ли вынуть курицу из духовки, чтобы она не сгорела. Получалось, что можно. Руки всё ещё работали.

Когда он вышел с сумкой, я попросила оставить ключи.

— Я ещё за вещами приеду.

— Позвонишь.

— Не драматизируй. Тут мой сын.

Я слишком устала для нового спора. Он убрал ключи в карман, пообещал позвонить завтра и заглянул к Максиму. Я слышала: «Не кисни, чемпион. В субботу сходим куда-нибудь». Сын что-то ответил так тихо, что слов я не разобрала.

Дверь закрылась без хлопка.

Я несколько секунд слушала лифт, потом пошла в ванную и пустила воду. Лицо в зеркале было знакомым. Никакого нового лица брошенной женщины не появилось. Только на подбородке мука: я пекла яблочный пирог к чаю.

На полке стояла его бритва. Я взяла её, открыла ящик, закрыла. Поставила обратно. Меня затрясло от этой бессмысленной возни, и я села на край ванны. Из кухни пахло лимоном. Там ждал ужин на троих.

Я разрешила себе заплакать без звука, закрыв рот ладо-

нью. Хотелось позвонить ему и сказать, что он забыл бритву. Не потому, что она ему нужна. Потому, что это было бы ещё одно маленькое основание вернуться.

Из коридора донеслось шуршание молнии.

— Макс?

Я умылась и открыла дверь. Сын стоял у входа в кроссовках. На спине у него был школьный рюкзак, туго набитый вещами. Из бокового кармана торчало ухо старого плюшевого зайца.

— Ты куда?

— К папе, — ответил он. — Я быстро собрался. Он ещё не уехал?

Я присела перед ним на мокрый от моей туфли пол.

— Зачем, родной?

Он сжал лямки рюкзака.

— Чтобы ты ему нужна была без ребёнка.

Глава 2. Кто виноват

Я потянулась к пряжке рюкзака, но Максим отступил. Тогда я убрала руки.

— Послушай меня. Ты никуда не должен уходить.

— Я только пока. Может, папа потом передумает.

— Решение папы не зависит от того, где ты будешь жить.

Слова выходили медленно, будто я читала текст на незнакомом языке. Я боялась сказать лишнее. Ещё сильнее боялась промолчать, и сын сам додумает то, во что уже почти поверил.

— А он сказал...

— Я слышала, что он сказал. Это было жестоко и неправильно. Ты мне нужен. Всегда. Если бы я могла вернуться в тот день, когда узнала, что ты у меня будешь, я снова выбрала бы тебя.

Он смотрел в сторону. На стене у двери висел крючок, прикрученный Андреем на удобной для сына высоте. Макс прижал к нему взгляд, как будто там было безопасное место.

— Мам, а папа ушёл потому, что я плохо себя вёл?

— Нет.

— Я же разбил его наушники.

— Из-за наушников люди сердятся. Потом чинят или покупают новые. Из семьи из-за этого не уходят.

— А когда я тройку получил?

Я взяла его ладони. Они были холодными, хотя в квартире ещё не отключали летнюю духоту.

— Это отношения между мной и папой. В них что-то случилось, и он решил уйти. Ты этого не сделал. Ты не можешь это исправить. Тебе не надо быть отличником, чтобы родители тебя любили.

Он попробовал высвободить руку, но не оттолкнул меня.

— А ты почему плакала?

— Мне больно. Я не хотела, чтобы так было.

— Ты теперь всё время будешь?

— Нет. Иногда буду. И всё равно смогу о тебе заботиться.

Это было первое обещание нового вечера, которое я дала осознанно. Я не знала, сдержу ли обещание не плакать всю ночь, не знала, захочет ли Андрей вернуться. Но позаботиться о сыне должна была.

Максим наконец позволил снять рюкзак. Внутри лежали две футболки, тетрадь по математике, заяц и мои тёплые носки.

— Это зачем?

— Вдруг там холодно. Ты же без них спать не можешь. Чтобы он тебе отдал, когда придёшь.

Я обняла его так крепко, что он буркнул: «Мам, задушишь». И это было лучшее, что могло случиться в ту минуту.

Мы поели на кухне. Я поставила перед ним тарелку и не стала убирать третью. Если бы занялась ею, опять расплака-

лась бы. Максим ел медленно, выбирая макароны без соуса. В какой-то момент спросил:

— Курица теперь будет только без лимона?

— Можно и так.

— Ты же сама любишь.

Я долго не могла вспомнить, люблю ли. Потом отрезала кусок со своей половины.

Уроки мы проверяли вдвоём на диване. В задаче надо было распределить сорок восемь яблок по шести ящикам. Сын три раза считал заново, хотя ответ давно знал. Я сидела рядом и старалась не смотреть на телефон. Он молчал, и мне было стыдно за то, что я жду звонка человека, который только что унизил нас обоих.

Перед сном Макс попросил оставить свет в коридоре.

— Хорошо.

— И дверь не закрывай.

Я читала ему из старой книги, где мальчик путешествовал по реке. Обычно мы спорили: он хотел ещё страницу, я хотела спать. Сегодня он лежал с открытыми глазами и не слушал.

— Если папа позвонит, скажи, что я не обиделся, — попросил он.

— Ты можешь обижаться.

— Тогда он не придёт.

Я закрыла книгу.

— Встречаться с тобой — его ответственность. Тебе не

нужно зарабатывать встречи хорошим настроением.

Макс повернулся к стене. Через несколько минут я услышала, как он втянул носом воздух, и легла рядом поверх одеяла. Он вцепился в мой рукав. Так мы и заснули ненадолго, уместившись на узкой кровати.

Ночью я проснулась от затёкшей руки. Было три часа. В спальне гудел телефон: на экране лежало сообщение от Андрея. «Я доехал. Не накручивай себя. С Максом всё будет нормально».

Ни вопроса о сыне, ни слова о том, как он уснул.

Я набрала: «Он решил уйти к тебе, чтобы не мешать мне». Прочла и стёрла. Сын не должен был стать оружием даже в этой маленькой переписке. Написала: «Завтра позвони ему после школы. В четыре. Ему важно знать, когда ты позвонишь». Отправила и положила телефон экраном вниз.

Потом вынула из шкафа второе одеяло и укрылась на своей половине кровати. На его подушке была вмятина. Я перевернула её, но вмятина осталась и с другой стороны.

Будильник сработал в семь. За окном уже двигались машины, кто-то тянул мусорный бак через двор, жизнь не дала нам даже одного выходного на случившееся. Я сварила кашу. Макс сел за стол с опухшими глазами.

— Ты скажешь Марине Викторовне?

— Что мы с папой разъехались? Да. Чтобы она понимала, если тебе будет трудно.

— Только не всем.

— Только ей. И мы с тобой решим, кому ещё надо знать.

Он кивнул и начал размазывать кашу. Я не стала заставлять доедать.

Пока он умывался, я зашла в спальню за тёплой кофтой. На полу возле шкафа лежал один Андреев носок. Он, наверное, выпал из сумки. Я подняла, зажала в ладони и несколько секунд не знала, куда положить. Смешная вещь оказалась тяжелее ночных слов.

Макс заглянул из коридора.

— Папин?

— Да. Уберу к его вещам.

— Можно я отдам в субботу?

— Можно.

Он взял носок и аккуратно положил в маленький пакет. Я поняла, как ему нужно принести отцу хоть что-то полезное. Не стала запрещать. Только спросила:

— Ты уже собрал сменку?

Он помотал головой, и мы пошли искать мешок. Под кроватью обнаружились две машинки, пустая бутылка из-под воды и давно потерянный ластик. На минуту всё стало почти обычным: я ворчала, сын доказывал, что бутылка ему нужна для опыта.

У двери он остановился.

— Ты одна дома не будешь скучать?

Я застегнула куртку.

— Мне будет непривычно. Но у меня есть работа, потом я

приду за тобой. Ты не должен оставаться, чтобы мне не было одиноко.

— Я не собирался.

— Хорошо.

Он повесил мешок на плечо. Я видела, что собирался. Видела и решила не заставлять его признаваться в этом. Иногда ребёнку нужно оставить право на маленькое спасающее достоинство.

Мы вышли из дома. В лифте Макс встал на место, где обычно стоял Андрей, возле кнопок. Я не придвинула его к себе. Он сам взял меня за руку, когда мы вышли на улицу.

Во дворе дворник собирал мокрые листья. У соседнего подъезда молодая женщина пристёгивала ребёнка в кресле, мужчина держал над ними зонт. Я резко отвела взгляд. Завидовать чужому зонту оказалось неожиданно стыдно.

— У нас зонтик дома, — заметил Макс.

— Не сильный дождь. Добежим.

Он подпрыгнул через лужу, потянул меня за собой. Я шагнула следом и почувствовала воду в туфле. Вторая за сутки. Но сейчас рядом со мной был человек, который хотел, чтобы мы добежали вместе.

Возле школьной калитки дети кричали и толкались. У одного мальчика на рюкзаке болтался брелок с футбольным мячом. Макс остановился рядом со мной, будто перед рекой, в которую надо войти.

— Можно сегодня ты встретишь?

Обычно он приходил сам: школа в двух дворах от дома. Я должна была к часу отдать отчёт хозяйке магазина, для которой работала бухгалтером на полставки.

— Встречу.

Он пошёл к входу, потом обернулся. Я стояла, пока он не скрылся в дверях.

Дома я открыла рабочую программу и минут десять смотрела на знакомые колонки. Дебет, кредит, остаток. В цифрах не было плохих намерений. Они могли сойтись или не сойтись, и причину обычно удавалось найти.

Мне перевели двадцать три тысячи зарплаты две недели назад. После продуктов, кружка и осенней обуви на карте оставалось двенадцать тысяч восемьсот рублей. В жестяной банке с чаем лежали пять тысяч на непредвиденное. Непредвиденное уже случилось.

Я составила список: квартплата, еда, школа, проезд, лекарства, телефон. Напротив английского поставила вопрос. Потом стёрла его. Максу сейчас меньше всего нужен был ещё один исчезнувший кусок привычной жизни.

В половине второго я ушла за сыном, не закончив отчёт. По пути купила хлеб и молоко. Рука потянулась за Андреевым йогуртом без сахара. Я успела поставить его в корзину, прежде чем поняла, что не надо. Положила обратно и почему-то почувствовала себя воровкой.

У школы Макс вышел последним. Мы шли домой и говорили о том, как на физкультуре мяч залетел за батарею. Он

старательно рассказывал смешно. Я старательно смеялась. Оба заметили старания другого и почти одновременно замолчали.

В четыре Андрей позвонил. Я передала сыну телефон и ушла в кухню. Из комнаты донеслось: «Да, я нормально. Да, уроки сделал». Потом Макс засмеялся. Я стояла, держась за край раковины, и старалась радоваться, что он смеётся.

Когда разговор закончился, пришло сообщение уже для меня: «По деньгам не переживай. Буду давать, когда понадобится. Просто пиши конкретно, на что».

Я прочитала его дважды.

До вчерашнего дня я отчитывалась перед мужем о семейных расходах, потому что считала это разумным. Теперь мне предлагали просить разрешение купить сыну еду.

Я открыла список расходов и убрала вопросительный знак внизу, после слов «что дальше». Позвонила Ирине.

— Ты можешь приехать вечером? — спросила я. — Только, пожалуйста, без вина. Мне надо думать.

Глава 3. Восемнадцать тысяч

Ирина приехала с пакетом супа в контейнере и пачкой бумаги для принтера.

— Суп тебе. Бумага тоже тебе. У меня ощущение, что сейчас придётся много всего распечатывать.

Она работала администратором в стоматологии и верила в силу правильно заполненных документов. Даже на похороны однажды взяла ручку — и потом весь день её одалживали.

Макс обрадовался ей. Ира не стала спрашивать, как он себя чувствует, не обняла с особенным видом. Посмотрела на его носки, сказала: «У меня такие же, только сорокового размера», — и попросила помочь разобраться с крышкой контейнера.

Пока сын ужинал, мы сели в комнате. Ирина дождалась, когда я расскажу всё, включая рюкзак. Потом подошла к окну и некоторое время стояла спиной.

— Я сейчас скажу много плохих слов, — предупредила она. — У вас тут ребёнок, поэтому молча.

Я неожиданно засмеялась. Смех вышел таким резким, что я испугалась его. Ира вернулась и обняла меня за плечи.

— Вот. Ещё можешь. Значит, не всё отнял.

Я показала список расходов и сообщение Андрея.

— Сколько у тебя сейчас?

— Почти восемнадцать тысяч. Ещё общие деньги. Сто

пятьдесят шесть на его накопительном счёте.

— Почему на его?

— Там ставка была выше. Мы собирали на отпуск и замену машины.

— Выписки у тебя есть?

— Доступа нет. Но переводы со своей карты вижу.

Она положила рядом с листом телефон.

— Сохрани. Всё. Не потому, что завтра война. Чтобы не пришлось потом вспоминать.

Мне не нравилось, как деловито это звучало. Казалось, если я начну делить деньги, признаю, что он ушёл навсегда. До этого всё ещё можно было считать ссорой, пусть самой страшной за двенадцать лет.

— Катя, — сказала Ирина, угадав. — Он сегодня уже выбрал, где спать. Ты можешь выбрать, как платить за квартиру.

Квартира досталась мне от бабушки ещё до свадьбы. Две комнаты, старые трубы, хороший двор. Когда мы поженились, Андрей говорил: «Повезло нам со стартом». Последние годы — «Я вас обеспечиваю». Я никогда не считала стоимость этого старта. Мне казалось мелочным.

— А машина?

— На него оформлена. Купили в браке.

— Тогда поговори с юристом.

— Мы же не чужие.

Ира не ответила сразу. На кухне Макс опустил ложку в

мойку, и я прислушалась, не разбил ли тарелку.

— Я с Пашкой тоже не чужая была, — сказала она наконец. — Пятнадцать лет. Потом три месяца искала деньги на школьную форму, пока он объяснял, сколько потратил на нашу дочь в прошлом году. Я не хочу за тебя решать. Просто один разговор со специалистом ничего не разрушит.

Её дочери было четырнадцать. Я знала, как Ирина устает, но прежде смотрела на это как на её отдельную жизнь. Теперь вдруг увидела перед собой человека, который уже прошёл по этому полу и знает, где проваливаются доски.

Ирина достала свою папку из сумки. В ней лежали квитанции за кружок дочери и распечатка какого-то школьного чата.

— Видишь? Я не стала железной. Просто теперь храню бумаги там, где могу найти.

— А тебе когда стало легче?

Она подумала.

— Сначала на десять минут. В маршрутке. Я поймала себя на том, что выбираю, какой фильм посмотрю вечером, и не думаю о Паше. Потом испугалась, что забыла страдать. Как будто должна была отработать положенный срок.

— И сколько он длился?

— У него нет срока. Знаешь, что я дольше всего делала? Покупала его кофе. Мы с Лерой такой не пьём. А я каждый раз брала банку. Потом высыпала в мусор и рыдала, что перевожу деньги. Вот такой был путь к свободе.

Мне хотелось попросить готовую инструкцию. Сделать десять пунктов и прийти в нормальное место. Ира рассказывала про кофе, про пропавшие ключи, про то, как однажды записалась стричься и весь час говорила парикмахеру, что ей всё равно. Та отказалась делать слишком коротко: приходите через месяц, если ещё захотите.

— Я ей потом конфеты носила, — сказала Ирина. — До сих пор благодарна.

— Ты жалеешь?

— О том, что брак закончился? Иногда жалею о том, каким он мог бы быть. Это другое. Настоящий я назад не хочу.

Я не могла пока даже представить, что когда-нибудь произнесу такое про свой. Она увидела это по лицу и взяла меня за руку.

— Не надо сейчас соглашаться. Ты можешь хотеть его обратно и всё равно защищать деньги, дом и Макса. Чувства не обязаны поспевать за документами.

С кухни донёсся звон ложки. Мы замолчали, и Максим крикнул, что он ничего не разбил. Ирина ответила, что в их семье это обычно самая подозрительная фраза. Сын засмеялся.

Я смотрела на неё и впервые замечала, что поддержка не всегда бывает красивой. Она приезжает после смены с уставшим лицом, контейнером супа и бумагой, которую купила по пути, потому что знает: завтра тебе всё равно придётся что-то заполнять.

Мы сохранили переводы, нашли свидетельство о браке, свидетельство Макса, документы на квартиру. В папке с семейными бумагами лежали билеты из первой поездки на море. Я взяла один и увидела смешную фотографию на обороте: Андрей обвёл моё лицо сердцем. Ему было двадцать семь.

— Можно я это оставлю?

— Ты всё можешь оставить. Не надо сегодня чистить всю жизнь.

Когда Максим ушёл чистить зубы, я позвонила мужу. Ирина молча встала, но я удержала её за запястье.

Андрей ответил не сразу. На заднем плане звякнула посуда.

— Что случилось?

Раньше этот вопрос означал тревогу. Сейчас — нетерпение.

— Нам надо договориться о расходах на Макса. Регулярно, а не по моим просьбам. И об общих накоплениях.

— Я же сказал, не оставлю.

— Я услышала. Давай определим сумму и дату.

— Ты уже с кем-то консультировалась?

Я посмотрела на Иру. Она подняла бровь.

— Пока нет. Собираюсь.

— Ну понятно. Подруги насоветовали.

— Решаю я. Деньги нужны каждый месяц. Еда, одежда, кружок.

Он выдохнул прямо в микрофон.

— Скинь расходы. Общие деньги пополам, я не против. Но сейчас у меня залог за квартиру.

— Это не расходы Максима.

После этих слов наступило молчание. Мне хотелось заполнить его объяснением, что я не жадная, понимаю, ему тоже нелегко, могу подождать. Я прикусила внутреннюю сторону щеки и промолчала.

— Завтра переведу половину, — сказал он наконец. — И на сына пока двадцать.

— Остальное обсудим отдельно.

— Ты очень изменилась за сутки.

Я едва не сказала: «Нет, я всё та же». Вместо этого спросила то, что весь день жгло меня изнутри:

— Сколько это длилось?

— Опять?

— С Кристиной.

— Катя, зачем тебе?

— Чтобы понимать, в какой жизни я была.

За его спиной кто-то тихо произнёс: «Андрюш». Я услышала, как он прикрыл микрофон. Потом голос стал глуше, словно он вышел в коридор.

— С мая.

Я закрыла глаза. В мае мы отмечали его день рождения. Я пекла медовик, который нужно было собирать накануне, чтобы коржи пропитались. В мае у Макса был концерт. В июне мы ездили к его матери, и я всю дорогу выбирала, о

чём говорить, чтобы муж отдохнул после тяжёлой недели.

— А когда у Макса была температура, ты был в командировке?

— Я был в командировке.

— Один?

— Не устраивай допрос.

Это был ответ.

Я поблагодарила за сведения. Само слово «поблагодарила» показалось чудовищным, но другого не нашлось. Выключила телефон и положила его на бумагу.

— Пять месяцев, — сказала я.

Ирина села рядом. Не стала говорить, что подозревала, или что все они одинаковые. Просто сидела, пока я смотрела на билет с морем и пыталась не пересчитать заново каждый счастливый день.

Потом Макс вошёл в комнату и спросил, не будет ли Ира ночевать. Она сказала, что дома дочь, которая умеет жарить пельмени, но пока не умеет после этого выключать плиту.

— Пельмени жарят? — удивился он.

— Ещё как. Если хочешь, в пятницу научу.

После её ухода я уложила сына и всё-таки закончила отчёт. В двух местах нашла ошибки, которые сделала утром. Исправила. Написала хозяйке магазина, что завтра отправлю документы к десяти. Нормальная рабочая фраза помогла больше, чем слова о сильных женщинах, которые я успела прочесть в телефоне.

Перед сном Андрей прислал: «В пятницу вечером заеду за зимними вещами. Кристина на машине, поможем быстро».

Я прочла сообщение и посмотрела на наш шкаф. На верхней полке лежали коробки, которые мы подписывали вдвоём. Внизу стояли сапоги, купленные им мне на прошлую зиму. Я почему-то представила, как чужая девушка открывает этот шкаф, отодвигает моё платье, спрашивает, где его шарф.

Села на кровати и набрала ответ. Стёрла. Написала снова.

«В пятницу в семь. Вещи будут в прихожей. В квартиру входишь ты один».

Палец долго лежал над кнопкой. Потом я нажала.

Глава 4. Чужой ключ

В пятницу я перенесла вещи Андрея в прихожую. Не выбросила, не сложила в мусорные пакеты. Взяла две дорожные сумки, коробку из-под пылесоса и подписала, где обувь, где документы. Увидев аккуратные надписи, разозлилась на себя: даже сейчас обеспечивала ему удобство.

Последним достала шарф. Тёмно-серый, мягкий, он пах тем одеколоном, который я могла бы узнать с закрытыми глазами. Я прижала его к лицу раньше, чем успела себя остановить. Потом положила в коробку и заклеила скотчем.

Макс сидел у себя. Я предложила сходить к Тамаре Павловне, нашей соседке, у которой он иногда дожидался меня после работы. Он отказался.

— Папа же приедет.

— Да.

— Я хочу показать ему модель. У меня колёса крутятся.

На столе стоял сделанный из картона автобус. Андрей обещал помочь с осями. Вчера сын вытащил спицы из старого зонта и разобрался сам.

— Покажешь.

В семь я уже стояла у двери. В двадцать минут восьмого в замке повернулся ключ.

Так входили домой. Я едва не пошла навстречу с привычным вопросом: «Ужинать будешь?» Но Андрей открыл дверь

шире, и за его плечом я увидела белое пальто.

— Мы быстро, — сказал он.

Кристина улыбнулась. Вблизи она выглядела ещё моложе, чем на празднике. У неё на носу остался след от очков, а на пальце было кольцо, похожее на маленький гвоздь.

— Добрый вечер.

Я держалась за край двери.

— Я просила тебя приехать одного.

— Кристина поможет донести. Не начинай.

Максим вышел из комнаты с автобусом. Увидел девушку и прижал поделку к груди.

— Привет, — сказала она ему. — Ты Максим? Мы с твоим папой...

— Подожди на лестнице, пожалуйста, — сказала я.

Кристина посмотрела на Андрея. Тот закатил глаза, и от этого знакомого движения у меня загорелись щёки. Раньше он делал так, когда я долго выбирала обувь или напоминала о визите к врачу. Теперь предлагал чужой женщине вместе посмеяться над мной.

— Катя, это на пять минут.

— Ты заберёшь вещи. Она подождёт снаружи.

— Я, вообще-то, не собиралась к вам в гости, — произнесла Кристина. — Просто у Андрея теперь другая жизнь. Можно без сцены?

Я почувствовала, как Максим прижался к моему боку. У автобуса тихо хрустнул угол.

— Здесь мой дом и мой сын. Знакомства с ним мы обсуждаем заранее. Пожалуйста, выйди.

Я сказала это ровно. Даже удивилась своему голосу. Внутри я дрожала, у меня вспотели ладони, но слова получились ясными.

Кристина убрала улыбку.

— Андрюш, я в машине.

Она развернулась, и каблуки застучали по ступенькам. Мы молчали, пока не хлопнула дверь подъезда.

— Довольна? — спросил Андрей.

— Пап, смотри, — торопливо сказал Максим. — Я сам сделал. Вот тут не надо держать, она выскочит...

Он протянул автобус. Андрей взял его одной рукой, другой достал телефон.

— Молодец. Красиво.

— А попробуй покатить.

— Потом, Макс. Мне сейчас вещи грузить.

Я не выдержала:

— У тебя есть минута.

Он посмотрел на меня с такой усталостью, будто я требовала невозможного. Но сел на корточки и прокатил автобус по полу. Одна ось выскочила. Сын быстро поднял её.

— Ничего. Я починю.

— Я тебе нормальную модель куплю, — сказал Андрей.

Макс кивнул. Я увидела, как он отходит, старательно не задевая коробки. Он унёс автобус к себе и прикрыл дверь.

Мы перенесли вещи на площадку. Я не помогала спускать их вниз. Андрей дважды возвращался, проверяя, не забыл ли чего. В спальню я его не пустила, сама принесла зарядку с тумбочки.

— Ключи, — сказала я в последний раз.

— Катя, ну перестань. Я же не чужой.

— Теперь приезжай по договорённости. И звони в дверь.

Он покрутил связку на пальце.

— А если с вами что-то случится?

— Ты позвонишь. У Тамары Павловны запасной комплект.

— У соседки есть, а у меня нельзя?

Я не стала объяснять разницу. Просто протянула ладонь. Андрей снял два ключа, но маленький оставил на кольце.

— От почтового ящика тоже, — сказала я.

— Письма на моё имя ещё будут приходить.

— Заберёшь, когда придёшь к Максу.

Он снял и его. Металл был тёплым. Я закрыла пальцы и ощутила странное облегчение, от которого почти стало стыдно. Будто мне было хорошо, что человек ушёл.

Вечером позвонила Нина Петровна, мать Андрея. Мы не разговаривали с его ухода. Я смотрела на экран и почти надеялась, что она позвонит случайно, спросить рецепт или адрес поликлиники.

— Катенька, — сказала она. — Он мне рассказал.

Я села на банкетку, где ещё оставалась вмятина от его сум-

ки.

— Да.

— Ты только сгоряча не руби. Андрей всегда был увлекающийся. Помнишь, как он с мотоциклом носился? Потом прошло.

Я закрыла глаза. Она говорила от страха, я это понимала. Ей хотелось вернуть сына в понятную жизнь, где я снова буду отвечать за его устойчивость.

— Я не мотоцикл, Нина Петровна.

Она замолчала.

— Я не это имела в виду.

— Знаю. Но сейчас так звучит. Мне больно. И Максу больно.

— Я мальчика люблю.

— Тогда позвоните ему. Спросите о школе, о модели. Не говорите, что папа скоро вернётся, если он сам этого не обещал и мы не договорились. Пожалуйста.

На другом конце я услышала, как она передвигает что-то по столу.

— Я могу к вам приехать?

Я подумала. Запретить было бы легко и даже приятно на секунду. Но у сына была бабушка, которая читала ему сказки по телефону в карантин, знала, какой джем он любит. Эта связь не принадлежала Андрею целиком.

— Можете. Давайте в воскресенье после обеда. Только без разговора о том, что я должна сделать, чтобы он передумал.

— Ты стала резкая, Катя.

— Мне трудно говорить мягко о вещах, которые меня ранят.

Она вздохнула, но согласилась. Через пять минут позвонила Максиму. Я слышала, как он рассказывает про автобус, и вдруг расплакалась совсем иначе. Не от того, что у него что-то отняли. От того, что не всё исчезло.

Позже Нина Петровна прислала мне фотографию маленького Андрея с картонным самолётом. Написала: «Похожи». Я не ответила сразу. Потом набрала: «Да. Максу покажу». Мне не нужно было стирать из сына половину его лица, чтобы защитить себя.

В субботу мы остались дома. Андрей обещал приехать к одиннадцати, но в десять прислал, что подвернулась срочная работа. Максим прочёл сообщение на моём лице.

— Он не сможет?

— Сегодня — нет.

— Я понял.

Сын так часто начал говорить «я понял», что я уже ненавидела эти два слова. Предложила кино, прогулку, пиццу. Он попросил скотч.

Мы чинили автобус на кухне. Я держала картонные стенки, он подбирал длину оси. Один раз я сказала, что всё обязательно наладится. Максим спросил:

— Прямо всё?

Я не стала повторять.

В понедельник на работе хозяйка магазина спросила, не могу ли я временно брать больше часов. Её напарница заболела, нужно было разобрать остатки. Я уже собиралась согласиться на всё, но вспомнила школьную калитку.

— Могу два дня до обеда, — ответила я. — Остальное удалённо вечером. Давайте посчитаем оплату.

Она без спора согласилась на доплату. Я вышла из кабинета с листком задач и подумала, сколько раз работала лишний час просто потому, что мне было неловко спросить про деньги.

После обеда позвонила Марина Викторовна.

— Екатерина, вы сможете подойти завтра? Лучше без Максима.

У меня сразу похолодели пальцы.

— Он что-то сделал?

— Он сегодня разорвал свою работу. Потом сказал, что не хочет домой.

Я посмотрела на автобус на подоконнике. Новая ось держалась, колёса стояли ровно. Мне казалось, что за субботу мы хоть что-то починили.

— Я приду, — сказала я. — Скажите, пожалуйста, что именно он нарисовал?

Глава 5. Рисунок без двери

Школьные стулья оказались такими низкими, что я чувствовала себя не взрослой, пришедшей поговорить о сыне, а ученицей, которая снова не готова к уроку. Марина Викторовна положила передо мной склеенный лист.

На нём был дом. Два окна, труба, жёлтые квадраты света. Двери не было.

— Задание было нарисовать место, где спокойно, — объяснила она. — Максим сначала работал хорошо. Потом сосед спросил, как войти в дом. Он ответил, что никак. И порвал лист.

Мне захотелось объяснить рисунок чем-нибудь простым. Он устал. Плохо спал. У него не получилось нарисовать дверь. Но я вспомнила, как собирала вещи Андрея, как сын смотрел на чужое пальто в прихожей.

— Муж ушёл, — сказала я. — Неделю назад.

Учительница кивнула, не выразив ни удивления, ни жадного сочувствия.

— Он говорил, что папа теперь живёт отдельно. Я не стала расспрашивать. У нас есть психолог, Оксана Львовна. Можно начать с вашего разговора с ней. И, если Максим согласится, предложить ему встретиться.

— Это обязательно?

— Это помощь. Я вижу, что ему трудно. На переменах

он стал держаться возле кабинета. Вчера толкнул Витю, хотя раньше я такого за ним не замечала.

Я провела пальцем по краю скотча. От рисунка пахло школьной гуашью.

— Витя что сказал?

— Что теперь у Максима будет два подарка на день рождения. От мамы и от папы. Возможно, хотел утешить. Возможно, просто сказал. Максим услышал по-своему.

Я увидела, как это было: чужие дети продолжают считать подарки, а у моего из дома исчезает человек. И он ещё должен правильно отвечать.

Оксана Львовна приняла меня в маленькой комнате с растением на шкафу. Сразу сказала, что по одному рисунку никто не делает выводов обо всей жизни ребёнка. Спросила о сне, еде, встречах с отцом. Я рассказала про рюкзак. Впервые смогла произнести это без слёз, и от спокойствия стало больнее.

— Ему нужны предсказуемые вещи, — сказала она. — Не обещайте за отца. Если встреча отменена, говорите об этом прямо. И пусть у сына будет возможность злиться, не выбирая, кого из вас любить.

— А если я сама злюсь?

— Тогда вам нужен свой взрослый собеседник. Не Максим.

Она спросила, есть ли у меня кто-то. Я назвала Ирину. Потом вспомнила Тамару Павловну. Соседка обычно каза-

лась мне человеком, у которого можно оставить ключи и взять стремянку. Но вчера она принесла Максу старый набор отвёрток, проверила с ним, какие винты подходят к оси, и ушла, не задав мне ни одного вопроса.

Оксана Львовна дала мне лист с несколькими вопросами для наблюдения и объяснила: если Максим не захочет говорить прямо, не надо устраивать расспрос после каждой школы. Можно вместе делать что-то простое, где руки заняты, а разговор возникает сам.

— Я всё время спрашиваю, как он, — призналась я.

— Он может начать беречь вас ответом «хорошо». Попробуйте иногда просто рассказывать о своём дне. Без того, что его пугает. О смешной ошибке, о человеке в автобусе. Это возвращает ощущение обычной жизни.

Я подумала о том, как вчера молчала весь ужин, боясь сказать неправильное. Тишина казалась осторожностью, а могла выглядеть как беда, которую от него прячут.

Я записала время следующей встречи и поехала к юристу. Контакт дала Ира. В кабинете пахло кофе, на стене висел календарь, отставший на месяц. Мне понравилась эта небольшая человеческая неисправность: я перестала ждать, что меня сейчас будут судить за то, что не сумела сохранить семью.

Юриста звали Светлана Аркадьевна. Она просмотрела документы и попросила разделить разговор на три вопроса.

— Развод, ребёнок, имущество. Чувства связаны со всем

сразу, а документы лучше разбирать отдельно.

Я рассказала про квартиру, машину, накопления. Половину денег Андрей уже перевёл — семьдесят восемь тысяч. Сопроводил фразой: «Надеюсь, теперь спокойно?» Я на неё не ответила.

— Квартира унаследована до брака, — сказала Светлана Аркадьевна. — Право собственности за вами. Вопрос регистрации мужа, если понадобится, решается отдельно. Автомобиль и накопления — другое дело. Соглашение о разделе нужно оформить как положено. Устного «потом отдам» недостаточно.

Я достала лист с расходами.

— На сына он предлагает двадцать тысяч. Зарабатывает примерно сто шестьдесят. С премиями бывает больше.

— Можно договориться об алиментах у нотариуса. Если договориться не получается, есть судебный порядок. Сам факт, что вы пока в браке, не мешает требовать содержание ребёнка.

— А если он обидится?

Она подняла глаза.

— Тогда он будет обижаться. Ребёнку всё равно нужно есть.

Мне стало неловко за свой вопрос. Но она не усмехнулась, только придвинула ко мне чистый бланк.

Мы обсудили, что Максим остаётся со мной, встречи с отцом нужно согласовать, а расторжение брака при несовер-

шеннолетнем ребёнке пройдёт через суд. Спора о том, с кем живёт сын, у нас пока не было. Светлана Аркадьевна не обещала ни мгновенного развода, ни победы во всех возможных будущих спорах. Объяснила, что нужно сделать сейчас.

Я вышла на улицу с папкой и ощущением, что впервые за неделю держу в руках вещь, предназначенную для моей защиты. Не для Андреева удобства, не для чужого спокойствия.

Андрей выслушал предложение о регулярных выплатах вечером.

— Зачем суд? Ты мне не доверяешь?

Я смотрела на отражение в тёмном кухонном окне.

— Я хочу, чтобы у нас был понятный порядок.

— Ты могла просто сказать.

— Я сказала три дня назад. Ты предложил, чтобы я каждый раз писала, на что нужны деньги.

— Ладно. Делай как знаешь.

Я не стала уговаривать его выбрать нотариуса. Подготовила с юристом заявление. Нажимая кнопку отправки, всё ещё чувствовала, что нарушаю семейное правило. Потом вспомнила, кто его первым нарушил.

После школы я дождалась сына у калитки. Рядом вышел Витя, тот мальчик, которого он толкнул. На рукаве у него была большая светоотражающая звезда. Я уже собралась отойти, чтобы не смущать обоих, но Макс сам подошёл к нему.

— Я не должен был тебя толкать, — сказал он.

Витя пожал плечами.

— Я тоже про подарки зря. У моей сестры два дня рождения, я подумал, это нормально.

Они постояли, не зная, как закончить. Потом Витя спросил, принесёт ли Макс карточки завтра. Сын кивнул. Они разошлись в разные стороны, будто только что решили обычный школьный вопрос.

— Ты слышала? — спросил Макс.

— Слышала. Ты хорошо сказал.

— Я думал, он будет драться.

— А он тоже думал, как тебе сказать.

Мы пошли к дому. Сын махал мешком со сменкой, я два раза попросила не попадать мне по ноге. Потом рассказала, как в автобусе женщина забыла сложить зонт и нечаянно раскрыла его над чужой головой. Макс рассмеялся, попросил показать размер зонта.

Я показала руками. Он сказал, что так надо было ехать всё время, тогда никто не толкается. Я слушала его обычную глупую шутку и чувствовала, как сильно скучала именно по такой ерунде.

За ужином Макс рассказал, что Оксана Львовна умеет складывать лису из бумаги. Я спросила, хочет ли он ещё к ней сходить. Он пожал плечами:

— Можно. Там тихо.

Позже мы разбирали коробку под столом, искали цветной картон для нового автобуса. Под папками с гарантийными

талонами лежала моя тетрадь в коричневой обложке. На первой странице — «Хлебная мастерская», ниже кривой рисунок окна и прилавка.

Я открыла дальше. Ржаной хлеб с семечками. Творожные кольца. Расчёт на двадцать булочек. На полях — «Уточнить аренду» и «Купить весы, которые не врут».

— Это твоя? — спросил Макс.

— Моя.

— А почему ты перестала?

Я помнила, что ответила бы ещё месяц назад: времени не было, папе нужна была помощь, тебе надо было в садик, потом в школу. Всё это было правдой, но не целиком.

— Решила, что не справлюсь, — сказала я.

Максим раскрыл страницу с рисунком окна.

— Тут дверь есть, — заметил он. — Вот она.

Глава 6. Цена одной булочки

На другой день я испекла булочки по старой записи. Не для заказа — чтобы понять, помнят ли руки. Тесто вышло слишком тугим. Я добавила молока, потом муки, и к обеду на столе лежали двадцать четыре одинаково уверенных кирпичика.

Макс постучал одним по тарелке.

— Это образец прочности, — сказала я.

— Можно на колёса пустить.

Мы засмеялись, и впервые после ухода Андрея смех не оборвался сразу. Я разрезала булочку. Мякиш был плотным: в тетради я записала не ту массу муки, а прежние весы ещё и врали.

Вечером Ирина пришла с электронными кухонными весами. Дала на две недели, строго под запись в телефоне: ей надоели вещи, которые исчезают у друзей навсегда. Меня эта строгость даже успокоила.

— Только не надо сейчас открывать огромную кондитерскую, — сказала она. — Начни с того, что можно проверить.

— Я и не собираюсь.

— Собираешься. У тебя уже глаза, как перед покупкой обоев.

Мы посчитали ингредиенты для второй попытки. Я прибавила упаковку, электричество, порчу. Получилась сумма,

от которой пришлось снова открыть расчёт.

— Ты своё время где учла? — спросила Ира.

— Пока никак.

— Отличный сотрудник. Бесплатный, без выходных.

Я зачеркнула итог и начала заново. Воображаемая булочка дорожала с каждой строкой. Чем точнее я считала, тем меньше была похожа на мечту с картинки: белый передник, свет из окна, счастливые покупатели. Зато впервые появилась возможность понять, сколько я на ней заработаю.

Через бывшую коллегу я нашла Марину Юрьевну. Ей принадлежал небольшой цех, в котором готовили обеды для офисов. После трёх оборудование почти не использовали, и она сдавала вечерние часы. Я приехала в среду.

Марина встретила меня у двери в сеточке для волос. Сказала сразу:

— У меня не кружок по интересам. Работать можно, но порядок будет общий. И дома для постоянных поставок вы ничего не делаете.

— Я понимаю.

— Пока не понимаете. Я вам покажу.

Она провела меня между металлическими столами. Объяснила, где сырьё, где готовая продукция, как разделено хранение, кто и когда убирает. У печи я задержалась. Две камеры, устойчивый жар, нормальный противень. В своей духовке я всегда меняла листы местами, чтобы булочки не чернели у задней стенки.

— Хотите погладить? — спросила Марина.

Я отдёрнула руку. Она усмехнулась:

— У всех такой вид. Потом увидите счёт за свет — нежность пройдёт.

Мы сели в маленьком кабинете. Стоимость аренды по часам, отдельная полка в холодильнике, обязательства по уборке. И технолог, которого надо было привлечь для моего ассортимента и документов. И регистрация деятельности, уведомления, санитарные требования, личная медицинская книжка. Я записывала, чувствуя, как сумма из моей тетради расползается.

— Можно начать с трёх изделий, — сказала Марина. — Не с пятнадцати. И без кремов, пока не научитесь держать график.

— Я умею печь торты.

— Дома умеете. А теперь вам надо уметь выпускать одинаковую партию к нужному часу и отвечать за неё.

Это было неприятно слышать. Но она говорила не свысока, а так, словно предупреждала, что к горячему противню нельзя прикасаться голой рукой.

Дома я разложила расчёты на столе. Из половины общих накоплений большую часть решила оставить на жизнь. На регистрацию, подготовку, пробные партии и аренду могла выделить тридцать тысяч. Если не получится, это будет больно, но мы с Максом не останемся без еды. Долю автомобиля я ещё не получила и в расчёт не включала.

Зарплата продолжала приходить. Выплаты на сына я вынесла в отдельную таблицу. Они не были капиталом, который можно рискнуть потерять ради моей мечты.

Андрей приехал в воскресенье. На этот раз вовремя, один. Забрал Макса на два часа в торговый центр и вернул с огромным стаканом сладкого напитка. У сына сияли глаза, и я искренне поблагодарила за то, что привёз в оговорённое время.

Потом Андрей увидел тетрадь.

— Всё-таки решила?

— Проверяю, можно ли заработать.

Он перелистнул две страницы, не спросив.

— Ты в продажах никогда не работала. Печь для знакомых и вести бизнес — разные вещи.

— Да. Поэтому считаю.

— На тридцати тысячах? Катя, серьёзно. Лучше нормальную работу найди.

Я убрала тетрадь из-под его руки.

— Работу я не бросаю.

— Ну смотри. Только не звони потом, когда налоги придут.

Я была бухгалтером. Он это знал. Когда-то я вечерами разбирала для него таблицы продаж, помогала сделать отчёт, с которым он получил своё первое повышение. Сейчас почему-то именно эту часть меня он не замечал.

Макс стоял в дверях и пил из трубочки.

— У мамы вкусно получается, — сказал он.

— Конечно, — Андрей взъерошил ему волосы. — Просто не всё вкусное можно продать.

После его ухода сын сел напротив меня.

— Я могу листовки раздавать.

— Спасибо. Но твоя работа сейчас — школа и жить нормально. Если захочешь помочь выбрать название, выберем вместе.

— А булочки пробовать можно?

— Вот на эту должность я тебя возьму.

В понедельник я встретилась с технологом Юлией Сергеевной. Она сократила мой список до двух видов булочек и одного хлеба, объяснила, какие испытания и документы нужны для будущих поставок. Попросила принести точные рецептуры, не «муку до мягкого теста». Я вернулась домой с заданиями и впервые почувствовала не только страх. Учиться было интересно.

В субботу я прошла три соседних магазина и две пекарни. Сначала прятала блокнот: казалось, продавцы догадаются и выгонят меня за намерение составить им конкуренцию. Потом просто стала записывать цены, вес и время, когда привозят свежую выпечку.

В одном месте взяла булочку, в другом хлеб. Дома разложила по тарелкам, позвала Ирину и сына. Не объявляла конкурс, не ставила рядом своё изделие в надежде услышать, что оно лучше всего. Мне нужно было понять, что люди уже покупают и почему.

Макс выбрал самую простую булку с сахаром. Ирина — ту, которую удобно есть по дороге. Я попробовала дорогую с орехами и обнаружила, что она мне не нравится, хотя состав был хороший.

— Вот тебе и профессиональный совет, — сказала Ира. — Я утром хочу кофе и чтобы на пальто ничего не упало. А ты мне предлагаешь сложные переживания с крошками.

Я записала рядом со словом «вкус» ещё два: «удобно» и «повторить». Мне хотелось придумывать необычные рецепты, но первые покупатели могли хотеть просто понятную свежую булочку в нужном месте.

Потом я задала в соседском чате несколько вопросов о хлебе. Без обещаний и скрытой рекламы. Ответили двадцать человек, причём десять спорили между собой о том, какой хлеб вообще можно назвать хлебом. Из полезного выяснилось, что многие возвращаются поздно и не находят свежего. Это не означало готовый спрос, но дало тему для проверки.

Марине я принесла результаты на листе. Она посмотрела и спросила:

— А кто из них уже готов заплатить?

— Пока никто.

— Тогда это мнения. Не путайте с заказами.

Я сначала расстроилась, потом выделила в тетради две отдельные колонки. Люди могли желать пекарню возле дома и при этом никогда туда не зайти. Мечта должна была выдержать и такую возможность.

Вечером Макс спросил, почему я всё записываю, если и так помню.

— Потому что в голове я обычно считаю лучше, чем выходит на самом деле.

Он подумал и принёс свой список деталей для автобуса. Напротив двух стояли вопросительные знаки.

— Это значит, ещё проверить, — объяснил он.

Я посмотрела на его лист и сделала такие же знаки в своей тетради. Не каждый пробел требовал немедленно придумать уверенный ответ.

Через три недели, когда бумаги и первый рабочий график начали складываться, позвонила знакомая Ирины. Ей нужны были двадцать четыре булочки для небольшой рабочей встречи.

— Вы сможете к пятнице, к девяти? Только точно. У нас гости из области.

Я посмотрела на сына. Он рисовал вывеску с толстым котом, который держал хлеб.

— Смогу, — сказала я и сразу открыла тетрадь на странице с расчётом.

Потом назвала цену. Настоящую, с учётом моего времени.

Глава 7. Двадцать четыре штуки

В первый оплаченный день в цехе я приехала на сорок минут раньше. Марина Юрьевна увидела меня в окно и открыла дверь.

— Раздеться можете. Работать раньше не начнёте, там ещё обеды.

Я села на стул у шкафа и положила на колени папку. В ней лежали распечатанные рецептуры, подтверждение регистрации ИП, договор аренды, документы, которые помогла собрать Юлия Сергеевна. Часть процедур заняла дольше, чем я ожидала. Я уже успела научиться не говорить клиентам «завтра», если за этим словом стояло чужое решение.

До первой продажи я проверила с технологом всё, что относилось к моему небольшому ассортименту. Это было скучно, дорого и совсем не похоже на картинку, где женщина замешивает тесто и сразу начинает новую жизнь. Зато теперь я могла показать, где и как буду работать. Мне самой это оказалось нужно не меньше, чем будущим покупателям.

Марина принесла чай в кружке с отколотой ручкой.

— Нервничаете?

— Очень заметно?

— Вы папку в третий раз открываете.

Я закрыла её и положила рядом.

На столе всё казалось непривычно большим. Даже мука в

пятнадцатикилограммовом мешке выглядела иной, чем домашний пакет. Я отвесила нужное количество, проверила по листу, записала время замеса. Юлия Сергеевна говорила, что память — прекрасная вещь до первой бессонной ночи.

Пока тесто подходило, я нарезала бумагу для упаковки. Руки торопились, хотя времени хватало. Дома Максим делал уроки с Тамарой Павловной. Мы заранее договорились, что по четвергам он будет у неё полтора часа. В ответ я по субботам помогала ей разбирать квитанции, заказывала тяжёлые продукты с доставкой и не считала соседскую доброту бесконечной.

В шесть Тамара Павловна прислала фотографию. Сын сидел за её столом и чистил мандарин. Подпись: «Математика побеждена. Русский пока оказывает сопротивление».

Я улыбнулась и чуть не забыла поставить таймер.

Булочки вышли ровными. Я сняла одну контрольную, разломила, проверила мякиш. Потом отложила образец, как учила Юлия Сергеевна, и стала упаковывать партию. Двадцать четыре штуки, не двадцать три. Четыре раза пересчитала. На этикетках были состав и нужные сведения, и всё равно мне казалось, что я что-то упустила.

Марина посмотрела на коробки.

— Если будете смотреть на них так до завтра, быстрее не остынут.

Я убрала руки за спину.

Утром доставила заказ сама. В автобусе держала коробки

на коленях и вздрагивала на каждой остановке. Рядом села женщина с сумкой на колёсах, принюхалась и спросила, где я купила такую выпечку.

— Сама испекла.

— На продажу?

Я впервые сказала незнакомому человеку:

— Да.

Она записала мой номер на обороте чека. Не стала заказчицей в тот же день, не привела за собой толпу людей. Но я смотрела на аккуратные цифры в её блокноте и чувствовала, как внутри что-то распрямляется.

В офисе меня встретила девушка, которая не знала ни про булочки, ни про оплату. Позвонила заказчице, Наталье, и предложила поставить коробки на стул у ресепшена. Я попросила подписать передачу заказа. За вечер до этого сама распечатала простой бланк, и теперь была благодарна собственной привычке к бумагам.

Наталья вышла через десять минут, разговаривая по телефону. Кивнула мне, заглянула в коробку и подняла большой палец. Половину суммы она перечислила заранее. Остаток обещала сразу после доставки.

— У меня приложение подвисло, — сказала она. — Я чуть позже.

Я поверила.

Вечером написала. Сообщение осталось без ответа. На другой день Наталья прислала фотографию пустого стола:

«Всё съели, спасибо!» Я ответила, что рада, и напомнила об остатке. Она прочла. Больше ничего не произошло.

Третьего дня я позвонила.

— Екатерина, ну что вы из-за такой суммы, — сказала она. — У нас свои бухгалтеры, в понедельник проведут.

— Мы договаривались о переводе после доставки. Заказ оформляли вы.

— Я же не отказываюсь. Просто вы очень давите.

Я стояла в прихожей, где сын застёгивал куртку перед школой. На секунду мне стало стыдно. Потом я посмотрела на его новые перчатки: один размер я уже пропустила, потому что всё откладывала покупку.

— Мне нужно получить оплату, — сказала я. — Сегодня пришлю письменное напоминание с суммой и сроком.

После звонка Макс спросил:

— Она деньги украла?

— Не заплатила вовремя. Я разбираюсь.

— Может, у неё нет?

— Тогда ей нужно было сказать заранее. И всё равно договориться со мной.

Я подумала, что говорю это не только ему.

В понедельник я обнаружила, что до покупки масла для следующей партии не хватает совсем небольшой суммы. Деньги были в семейном запасе, но мне не понравилась готовность немедленно туда залезть. Если каждый неоплаченный заказ превращается в семейный расход, я никогда не

узнаю, работает ли дело.

Я составила платёжный календарь на две недели. Отдельно — что уже получила, что только обещали, что нужно оплатить независимо от обещаний. Для закупки перевела строго отмеченную сумму как дополнительное вложение, записала дату. Не стала называть её выручкой.

Марина увидела лист и кивнула:

— Вот теперь предприниматель. Сначала всем нравятся булочки, потом выясняется, кто когда платит.

Она рассказала, как однажды полгода ждала деньги от постоянного клиента, потому что тот всегда был приветлив и знал имена её детей. Я удивилась: мне казалось, такие люди, как Марина, не делают подобных ошибок.

— Я не родилась с договором в руке, — сказала она. — И хорошие отношения не гарантия. Просто теперь я их не путаю с оплатой.

В тот вечер я сфотографировала свой календарь и отправила Ирине. Она ответила снимком чужой неоплаченной записи в стоматологии: «У нас тоже все очень хорошие. Пока до кассы не дошли».

Я посмеялась и закрыла телефон. Оказалось, во взрослой работе было много вещей, которые мне раньше казались личной неудачей. Напомнить об оплате — значит быть навязчивой. Отказать — значит испортить отношения. Указать цену — значит оправдать её до последней копейки. Теперь приходилось учиться делать это без попытки понравиться

каждому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.